

Не совсем был прав классик, когда написал, что "...летний вечер оттого приятен в себе имеет, что шампанское хорошо пьется..." На дворе хоть и слякотная осень, а шампанское пьется не хуже, чем в летний вечерок. В чем мы и убеждаемся со Спартаком Мишулиным после спектакля "Горячее сердце", в котором он играл Хлынова — умирающего от скуки богатого дядю. Персонаж этот — на все времена, как его ни назови: подгулявший купчик, партийная номенклатура, новый русский...

— Спартак Васильевич, опираясь на какой опыт своего общения и наблюдений вы "лепили" Хлынова?

— Как тебе сказать... из тьюбика номенклатуры что-то выдавливал. Мы ведь шутами при них были, в баню нас брали. Хорошо кормили, общались. В бане они такие душевные, великолепные были: "Спартак, о чем разговор, все сделаем, что попросишь". Противными они становились в кабинетах. Но я играю не того, кто в кабинете, а того, кто в бане, на презентации, в ресторане, на лекции в Завидово.

Вот я расскажу тебе случай. Однажды вечером, выходя из театра, я остановил машину. Притормозил правительственный "ЗИЛ". Шофер узнал меня и согласился подвезти. И когда я сел в это "ландо", почувствовал себя другим человеком. Чертовщина какая-то! Я вот раньше не понимал, почему, становясь крупными начальниками, люди портятся. А прокатившись в "членовозе", кажется, понял. Когда меня приглашали на выступления, я чувствовал, что "они" меня "зовут". Приятно было.

— А не стыдно признаваться теперь в этих чувствах? Некоторые артисты, похоже, стесняются вспомнить о том, что когда-то играли Ленина и за это получали премии.

— Я такой стыдливый, что мою стыдливость часто принимают за неуважение. Вот надо Плутчуку позвонить — нашему главному. А я стыжусь. Боюсь чего-то... Спроси — чего боюсь? Ничего, и терять-то нечего. Но все равно боюсь, например, обидеть Плутчука. Ведь меня звали другие театры, но я сидел здесь, в "Сатире", влюбленный в него.

— Я всегда была уверена, что есть некая мистическая связь между артистами и их героями. Не в том смысле, что артисты выбирают роли (кто ж подневольным позволит, отродясь на театре таких порядков не водилось). А в том смысле, что сами герои выбирают своих исполнителей, как, например, ваш Карлсон. Мне кажется, что у этого сказочного героя столько же тайн, как и у вас. Я не ошибаюсь?

— Тайна только одна — я не доучился. Меня захватила война. Я сидел... Я же тебе рассказывал.

— ???

— Я из дома бежал. Второй отец был пьяный, дерущийся. Сама понимаешь: вот я и сбежал в артспецшколу. Из-за приставки "арт" думал, что это школа искусств, а оказалась — артиллерийской. Так я попал в Анджеро-Суджинск (это под Кемерово) в училище, и там я руководил самодеятельностью, что-то даже поставил. Но в клубе не было лампочек, и тогда я

пошел ночью в клуб соседнего села и свинтил все лампы. Концерт прошел хорошо.

Во-вторых, я писал большой роман. Назывался он "Золотой гроб". Там один богатый человек, умирая, все свое состояние превратил в золото, из которого одел гроб.

— Ну и фантазия у вас, Спартак Васильевич.

— Ты слушай. Пять или шесть человек захоронили этот гроб. Но их уничтожили, так же, как уничтожили тех, кто приводил приговор в исполнение. След "гроба" потерялся, и только три бандита, чудом оставшиеся в живых, стали искать его по всему миру. И почему-то дошли до России, где начиналась гражданская война. А так как я историю гражданской войны не знал, то стянул из библиотеки трехтомник "История

Моск. комсомолец

1994. - 15 окт.

с.2.

ТАЙНЫ ТОЛСТОГО КАРЛСОНА

Возможно, его папой был Фадеев

гражданской войны" и на нарах изучал ее.

Когда все выяснилось, меня забрали.

— Значит, за гражданскую войну пострадал?

— "Гражданскую войну" я украл. Плюс лампочки. Да еще мне пытались пришить политическую статью, так как свой роман "Золотой гроб" я писал на обратной стороне плаката с изображением товарища Сталина. Но я был малолеток — 13 или 14 лет — поэтому посадили за хулиганство. Мне махорки дали. Тогда я курил.

— И выпивал, наверное?

— Нет, пить начал в 43 года, когда в Москву приехал. В тюрьме я встретил шофера своего дяди (дядя был ректором общественных наук при ЦК партии). "По блату" шофер устроил меня на трактор прицепщиком. Очень простая работа была — за веревку дернул — плуг поднялся. Однако работали по 20 часов. И начальник был строгий, с хлыстом надо мной стоял. Но потом пожалел и сменщика прислал (до сих пор помню этого Сашку с бельмом на глазу). Он попросил воды. Я пошел за водой и уснул в борозде. От усталости уснул. А он, когда начал работу, раздавил меня трактором.

— То есть как?

— Если бы я спал на спине, то мне бы отрезало голову и ноги. Я же повернулся на живот и лежал в борозде головой вперед. Когда трактор поехал (дифер — задний мост — у него низко опустился) меня, значит, туда затянуло и начало ломать. Когда прицепщик увидел, что меня, как крем-брюле, выдавило из-под трактора, он заорал нечеловеческим голосом и убежал. Меня отвезли в больницу.

Хирурги там были очень хорошие, ленинградские, по 58-й статье сидели. Они пытались обнаружить во мне хоть какие-нибудь признаки жизни — ничего не вышло. Даже на зеркало дыхание пробовали — ноль. Ну меня и снесли в морг.

— А сколько же вам годков было, Спартак Васильевич?

— 14, что ли, не помню точно. А в это время один заключенный съел на спор шапку сушеного гороха. У него заворот кишок получился. Он умер и его отправили туда же, куда и меня. И в тот самый момент, когда этого несчастного внесли в мертвецкую, я перевернулся на бок...

На 18-й день я очнулся. В общем, выходили меня. Слушай дальше. Смешно было, когда я вернулся на лагерный пункт. "Мишулин умер", — сказал охранник. "Да нет, я жив". Ну меня и взяли. И, как покалеченного, назначили начальником пожарного отделения на мельницу. Должность важная: у меня в подчинении — тройка, бочка и ручной насос. Чтобы поддерживать ребят, которые пухли с голодухи, я придумал в бочку насыпать муки и привозить им к концу дня. Они кисель, суп заваривали, чтоб не умереть. И вот однажды какой-то начальник попросил воды. Что я мог достать ему из бочки? Муку? В общем, влепили еще полтора года за воровство.

Когда я освобождался, один заключенный позвал меня в Брусово (в Тверской области), у него жена работала директором дома культуры.

— А почему вы не вернулись в Москву,

к влиятельному дяде?

— Я всего боялся. Не хотел компрометировать своих родных. Дядька был при власти, мама у меня работала замнаркома золотопромышленности. А мною занималась тетя Дуся, жена дяди, который, кстати, и назвал меня Спартаком, защищая диссертацию по Древнему Риму. Отца я не знал. Но поговаривают, что будто бы им был Фадеев. Может, поэтому я пишу?

Я руководил художественной самодеятельностью в Брусово, потом в Удомле, где меня и нашел дядя.

— Кем хочешь быть? — спросил он меня.

— Артистом.

— Будешь!

Слово дяди — и специально для меня в ГИТИСе собрали комиссию в середине учебно-

удачно. Я сыграл Тузенбаха в "Трех сестрах" (в этом время Юрский играл эту роль в Питере). Сыграл Сергея в "Иркутской истории" (Ульянов гремел с этой ролью в Москве). Кто бы мне дал в Москве играть героев?

После очередных гастролей в Москву Плутчек сказал, что "нужно показываться". А до него меня брал Гончаров, Талмазов в "Ленком", Попов в Театр Советской Армии. Но я пошел в "Сатиру". Имея высшую категорию, я не считал себя вправе иметь ее, когда в "Сатире" работал такой артист, как Анатолий Папанов. Тогда я пошел в Управление культуры и попросил снизить мне категорию. Только дурак мог так сделать. Просьбу уважили: дали первую категорию — 120 рублей, но зато повысили концертную ставку — 11 рублей 50 копеек. И на 120 рублей я приехал в Москву.

— Фантастическое прошлое, роман писать можно.

— Пиши.

— Но вернемся из прошлого к настоящему, тем более, что оно мне кажется менее ярким. Ваша популярность, Спартак Васильевич, строилась на трех "ки-тах" — пан Директор из "Кабачка", Саид из "Белого солнца пустыни" и обаяшка Карлсон. Но почему неизвестны ваши другие театральные работы? Их не было или они были неудачными?

— Я на концертах так и говорю: "Разрешите

паузу? Ходить по улицам? В рестораны? Так я лучше в театре посижу: плохой ли, хороший ли спектакль, но я соучастник, переживаю как актер.

В пьесах копаюсь. Третий сезон ставлю американский мюзикл "Тряпичная кукла". Его почему-то не выпускают, хотя у меня все готово. Я жду, как поезд зеленого света.

— Невостребованность актера — большая тяжелая тема. Сколько в Москве "погибших" артистов. И в вашем театре тоже.

— Не хочу говорить на эту тему — грустно. Я пока держусь. У меня четыре роли. В пьесах, как я уже и говорил тебе, копаюсь. Но не понимаю, не понимаю...

— Я посчитала: вы играете Карлсона лет 25, если не больше. Не надоело?

— 26 лет. Я с удовольствием играю. Двигаюсь нормально, без костылей, бегаю, прыгаю, как и раньше, хотя иногда что-то болит.

— Не обижайтесь на меня, Спартак Васильевич, а сколько вам лет?

— Мне много. Этого никто не знает. Недавно меня пригласили на "Знаки Зодиака". Я им говорю: "У меня нет дня рождения. И даже года. Придумайте сами какую-нибудь цифру..."

— Почему скрываете возраст: боитесь потерять работу? Жена не знает?

— Жена знает. Но дело вот тут в чем. Я говорил, что в молодости писал роман. И однажды в Калинин до того дописался, что под утро, где-то часов в пять, мне видение было: из-за шкафа вышла женщина в черном. Лица ее не было видно, но я ясно услышал ее слова: "Если десять человек узнают, когда ты родился, если хоть одно твое большое произведение будет напечатано, ты умрешь". Клянусь Богом. И я с тех пор все изменил. По паспорту все не так. Я никогда не праздную дня рождения, веришь?

— С трудом. Выходит, вы всех обманули.

— Я же Бога не обманывал. А кого я обманул? Тех людей, которые меня каждый день обманывают? Это бартер. Кстати, можно пошутить и написать, что 22 ноября родилась Карина Мишулина.

— А может быть вы, мой собеседник, с которым осенним вечером, после спектакля, пью шампанское, вовсе не Спартак Мишулин?

— Нет. Я Спартак Мишулин.

— Шампанское пьем, разговоры разговариваем, а как-то грустно выходит, что, признаюсь, несколько непривычно для любимого образа пана Директора. Может, веселую историю расскажете?

— А почему? Пусть грустно. Я же в жизни грустный, ты же знаешь меня. Вот ты про Карлсона спросила — не надоел ли. А я счастлив, что выхожу на сцену в его широких клетчатых штанах и рыжем парике. Детишки его безумно любят. На сцену приносят булочки, шоколадки, варенье, яблоки. Так что в голодовку я проживу.

Марина РАЙКИНА.
Фото Александра ИЗОТОВА.

Фото Александра ИЗОТОВА

го года. Я пришел — сидят народные и заслуженные, все мои кумиры. Читаю — ноль эмоций. Делаю этюды — хохочут. Но так как у меня не было 10 классов, то я попросил направить меня в Калининский драмтеатр во вспомогательный состав. И так началась моя карьера артиста.

— А как вы в Москву попали?

— Калининский театр поехал на гастроли в Москву и выступал в Пушкинском театре. Играли "Хрустальный ключ". Авторы модной тогда комедии "Свадебное путешествие" Дыховичный и Слободской (она шла в нашем театре) начали сватать меня в Москву. Проводя меня в столицу, артисты говорили: "Спартак, раз ты нужен, потребуй сразу квартиру и зарплату приличную". Я потребовал и благополучно вернулся.

Между прочим, в 22 года меня выдвигали на звание при условии, если поеду работать в Армению или Азербайджан. Но я поехал в Омск за режиссером. Там судьба сложилась

те от нашего немногочисленного коллектива — Саида, Карлсона и пана Директора — поприветствовать вас." Но Карлсон... Мне ведь его не сразу дали. Сначала его репетировал Высоковский, потом Далинский и только за 18 дней до премьеры мне сказали: "Возьми его".

Вот мы и пришли к теме, от которой ушли вначале. А именно, я ощущаю себя чужим здесь. Я десять лет ничего не делаю. Вышли в свое время спектакли — "Слон", "Свадьба Крепчинского"... Плутчек почему-то их закрыл. Мой бенефис прошел 8-10 раз, имел хорошую прессу, но тоже был закрыт. Были работы, и я не верю, что они были плохие.

— Простой у актера — дело дрянное. Чем заполняете паузы? Говорят, что у вас редкая в Москве коллекция значков?

— Паузу, как и пустоту, заполняет только работа. Я читаю. Люблю Платонова, особенно "Котлован". Хотел бы его поставить. Хожу в театр. Посмотрел "Чайку", "Рогатку", еще несколько спектаклей. А где, скажи, запол-